

Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская Речка.

Изотова М.А.

Поселение Макаровская Речка расположено на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Хопер неподалеку от места впадения в его пойму р. Изнаир, на северной окраине с. Владыкино Ртищевского района Саратовской области (рис.1-3). Географически этот район находится в южной лесостепи. С востока поселение ограничивает большой овраг, с запада – крутой изгиб террасы, высотой около 5 м. Памятник находится на берегу старицы р. Хопер, называемой местными жителями «Макаровской Речкой».

Судя по подъемному материалу, поселение занимало весь мыс, площадь которого около 5000 кв. м. Поверхность в настоящее время задернована. Северная окраина памятника разрушается береговой эрозией, восточная – оврагом. Через мыс проходит несколько грунтовых дорог, при углублении одной из которых бульдозером был частично разрушен культурный слой. Значительная территория повреждена ямами от печей для обжига кирпича, которые функционировали в 19 в.

Объект был открыт в 1990 г. местным краеведом А.Н. Карасевым.

В том же году автором в центральной, разрушаемой оврагом, части поселения был заложен раскоп общей площадью 140 кв. м (рис.3,4).

Стратиграфия раскопа оказалась не сложной. Дерн (темно-серый гумус) достигал 10-15 см. Прослойка серого цвета, идущая непосредственно под дерном (2-15 см), насыщена битым кирпичом, шлаками, камнями, представляющими собой остатки деятельности печей для обжига кирпича. Мелкие вкрапления кирпича и шлаки иногда встречались до глубины 50 см, что объясняется непосредственной близостью остатков печи, расположенной в СЗ углу раскопа. Затем до материка следует не потревоженный культурный слой – темно-серая супесь мощностью от 30 до 60 см на внеземляночном пространстве и до 70-75 см в котловане постройки. На некоторых участках раскопа фиксировалась древняя погребенная почва – светло-серая супесь (5-15 см), лежащая непосредственно на материке. Материк – желтая глина, изрытая норами грызунов.

Находки встречались во всех слоях, начиная с дерна. Наибольшая концентрация материала зафиксирована на глубине от 30 до 60-70 см.

В верхних пластах (до 30-40 см) изредка встречались фрагменты древнерусской керамики, время существования которой определяется находками вместе с ней посуды золотоордынского облика (рис.12). Здесь также попадались обломки сосудов конца 19-нач.20 в.

Индивидуальные находки обнаружены как в пределах котлована постройки, так и на территории ее наземных пристроек, причем, преимущественно, в северном «крыле». Начиная с пласта 60-80 см, материал концентрировался в основном в заполнении котлована.

В общей сложности из раскопа происходят остатки примерно от 200 сосудов эпохи бронзы. Среди них выделяются 4 типа керамики, которые различаются по составу теста, характеру обработки поверхности, форме и орнаменту.

Наиболее многочисленной является посуда срубного типа. Она представлена преимущественно баночными, реже округлобочными и, несколькими остросреберными сосудами. В тесте фиксируется песок и шамот. Внешняя поверхность обрабатывалась тщательнее, чем внутренняя. В основном применялось заглаживание, от которого нередко остаются следы в виде штрихов. Оформление венчика, чаще всего, плоско срезанное, иногда овальное. В единичных случаях встречены приостренные венчики.

В нижних пластах раскопа найдены фрагменты от трех абашевских сосудов (рис.8. 25-27). Они резко отличаются от срубных составом теста, характером обработки поверхности, формой и орнаментом. В более рыхлом тесте фиксируется примесь толченой ракушки. Цвет поверхности темнее, внешняя и внутренняя поверхности обработаны вертикальными или наклонными расчесами, оставленными зубчатым штампом. Резкий отгиб венчика, образующий внутреннее ребро, характерная колоколовидность, горизонтальные желобки – все это позволяет отнести подобные сосуды к доновожжской абашевской культуре.

Достаточно большой удельный вес приходится на долю покровской керамики. Она отличается тем, что сочетает в себе черты керамики как срубной, так и абашевской культур: едва намеченный желобок и уступ с внутренней стороны венчика, расчесы зубчатым штампом по внешней поверхности сосуда при типично срубной форме и т.д. Орнамент, в основном аналогичен срубному – вдавления и зубчатые штампы. От абашевской керамики, видимо, достались желобки, правда, не такие глубокие и более редкие.

В раскопе обнаружены также остатки от 7 сосудов хвалынской культуры валиковой керамики (рис.11. 29-34). Они отличаются от других фактурой теста (лучше отмученная глина, в которой фиксируются песок и мелкий шамот). Поверхность тщательно заглажена, чаще всего без штрихов. Стенки хвалынских сосудов, как правило, более тонкие, чем у остальных типов. Орнамент чаще всего резной. Венчики плоско срезанные или приостренные, иногда овальные или утолщенные. Следует также отметить фрагмент т.н. «нурской» керамики (рис.10.25). Практически все обнаруженные в раскопе сосуды финала позднего бронзового века (ФПБВ) найдены или в верхних пластах или в районе поздних ям для обжига кирпича, т.е. являются переотложенными. Вероятнее всего, они не имеют отношения ко времени существования постройки. Однако небольшая площадь раскопа позволяет делать только предварительные выводы.

Керамика основных двух типов – срубная и покровская встречается по всей площади раскопа, в т.ч. и в котловане постройки. В то же время

наблюдаются некоторые тенденции ее распределения по различным слоям. Фрагменты абашевских сосудов найдены только в нижнем пласте. Удельный вес покровской керамики уменьшается от нижнего пласта к верхнему с 31% до 14%, в то время как срубной, напротив, увеличивается с 42% в нижнем пласте до 68% в верхнем. Следует подчеркнуть, что, несмотря на указанные отличия, керамический материал представляет собой единовременный однослойный комплекс.

Статистический анализ показал, что основной формой керамики на поселении Макаровская Речка являются банки (65,3%). Гораздо реже встречаются округлобокие и совсем немного в коллекции (6 экз. – 12,2%) – остросереберных форм*.

Степень орнаментированности разных типов дает обратную картину. Украшено более половины округлобоких (54,5%), все остросереберные и только треть баночных (31,2%) сосудов.

Узор наносился в первую очередь на плечо, довольно часто на шейку, и, реже всего, на венчик, причем в 9-ти случаях орнаментирован его верхний срез.

Чаще всего орнамент выполнялся различного рода вдавлениями (45,4%) или зубчатыми штампами (46%). Гораздо реже применялись нарезка или плоский штамп (19,1%) и совсем редко каннелюры (5,4%).

Сюжеты представлены в основном рядами наклонных отрезков, горизонтальными линиями и зигзагом. Иногда встречаются также не пересекающиеся кресты, елочка, хаотическая орнаментация*. Из раскопа происходит также множество фрагментов днищ, среди которых встречается самое разное оформление (рис.10. 30-52).

Отметим также находку миниатюрного сосудика (рис.10. 29) аналогии которому имеются на Мосоловском поселении (Пряхин А.Д., Беседин В.И. 1989. С. 121)

По набору, процентному соотношению и стратиграфическому распределению типов керамики, Макаровская Речка аналогична многим поселениям эпохи поздней бронзы юга лесостепной и севера степной зон Волго-Донского междуречья. Сосуды, имеющие абашевские черты (покровские, срубно-абашевские и т.п.), практически всегда рассматриваются учеными в едином комплексе с остальной керамикой (Пряхин А.Д., Беседин В.И. 1989. С. 122.; Пряхин А.Д., Старцева Т.С. 1981. С.126-138; Беседин В.И. 1993. С. 81-82; Березанская С.С. 1990. С.84).

Проблема соотношения покровских и срубных древностей – тема многолетних дискуссий исследователей, занимающихся эпохой поздней бронзы лесостепной и степной зон Евразии. При всем разнообразии оценок покровских древностей, многие исследователи признают, что на определенном этапе они

*При подсчете процентного соотношения форм сосудов были учтены 49 экземпляров, которые сохранились до максимального расширения тулова. В выборку не вошли фрагменты абашевских сосудов, т.к. ни один из них не уцелел в достаточной степени

* Выборка по орнаменту была расширена и составила 73 сосуда.

сосуществуют со срубными (См. н-р: Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б. 1985. С.19-21; Малов Н.М., 1991. С.50-53; 1994. С.53; Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991. С.17; Юдин А.И. и др. 1996. С.133). Чаще всего покровская и срубная посуда встречается в разных погребениях, отличающихся к тому же деталями обряда, а иногда и набором инвентаря. В то же время, на поселениях оба типа керамики залегают в одних, причем достаточно мощных, т.е. длительно существующих слоях, отличаясь только удельным весом.

Следует отметить, что такая ситуация наблюдается на достаточно ограниченной территории, включающей в себя южную лесостепь и северную степь от бассейна Северского Донца до Приуралья. Расширение территории распространения памятников покровского типа от леса до полупустыни на основании находок отдельных фрагментов керамики и немногочисленных погребений представляется не вполне правомерным. Зафиксированные на существенном расстоянии от основного массива памятников и в других природно-климатических условиях, они, скорее всего, отражают направление и интенсивность контактов, особенности хозяйственно-экономического уклада и т.д., но не основной ареал обитания носителей керамики указанного типа.

Неоднородность керамических комплексов указанных территорий объясняется в большинстве случаев этнокультурными различиями и хронологическими изменениями. Безусловно, оба этих фактора имели место. Однако, длительное сосуществование, т.е. использование одновременно покровской и срубной керамики на поселениях и планиграфически выделенные, но перекрытые зачастую единой насыпью, покровские и срубные погребения, а также наличие в ряде погребений как срубной, так и покровской керамики одновременно, заставляют предположить и другие объяснения. Возможно, эти различия являются отражением социальной или этносоциальной структуры общества (Изотова М.А. 1999. С.101-103).

Рассматривая вопросы общественного устройства, С.С. Березанская считает, что «в экономическом плане поселение Усово Озеро, несомненно, состояло из представителей различных родов». В то же время, исследовательница не сомневается в едином этносе людей, заселявших микрорайон, в который входили такие поселения, как Усово Озеро, Ильичевка и др. (Березанская С.С. 1990. С.95).

Известно, что основной ячейкой первобытного общества, в т.ч. на его поздней ступени, является община. По этнографически, письменным и археологическим источникам известно, что даже одно-родовая община не могла долго существовать изолированно, без инкорпорирования в свою среду инородных элементов. В гетерогенной же, обычно обитало несколько линиджей разных родов (История первобытного общества. 1986. С.372-377).

Процессы объединения, слияния сегментов разных родов происходили по разным причинам. Например, в тех случаях, когда ослабевшие от голода, эпидемий или войн группы не могли больше существовать как автономные единицы и включали в себя или сами входили в состав более сильной группы.

Еще одной причиной могло явиться долгое проживание рядом и многочисленные браки нескольких поколений, что позволяло людям считать себя принадлежащими к одному роду.

Так или иначе, при наличии родового ядра, община включала в себя выходцев из других родов, что естественно не могло не сказаться на облике материальной культуры. Конечно реконструкция этносоциальных отношений для обществ, практически лишенных письменных источников, задача чрезвычайно сложная. Однако, основываясь на характере материала, планиграфических и стратиграфических данных, можно гипотетически предположить, что носители покровской и срубной или раннесрубной керамики являлись представителями разных родов (а на раннем этапе существования, возможно, и племен). Важно отметить, что при всем разнообразии мнений, исследователи разграничивают проблему происхождения памятников покровского и собственно срубного типов (Малов Н.М. 1994. С.9). Кроме того, на основе анализа материалов правобережной (т.е. северо-степной) зоны Нижнего Поволжья была высказана точка зрения о параллельном существовании двух линий развития срубной культуры – покровской и собственно срубной (Кочерженко О.В., Слонов В.Н. 1991. С.17).

Длительное совместное проживание на одной территории (во всяком случае, в северной степи и южной лесостепи), а также совместная деятельность, вызванная целым комплексом причин, в числе которых могли быть военно-политические, экономические, демографические и др., постепенно привели к нивелировке основных черт материальной культуры. Вероятно, на раннем этапе носители покровской керамики занимали лидирующее положение, о чем свидетельствуют яркие воинские погребения, в том числе и под индивидуальными насыпями и, косвенным образом, нестабильность военно-политической ситуации, отмечаемой для раннего этапа формирования срубной культуры. Однако со временем, вследствие стабилизации обстановки, а также других причин, в числе которых могли быть многочисленные межродовые и межплеменные браки, этносоциальная структура общества также подверглась существенным изменениям. Несмотря на это, покровские черты в керамике продолжают сохраняться довольно долго.

Конечно данное предположение – лишь одно из возможных, к тому же требующее дополнительных обоснований с привлечением других источников. В этой связи интересно отметить, практически как закономерность, наличие разных по технологии изготовления сосудов в одних погребальных комплексах и культурных слоях поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, в том числе и там, где покровская керамика практически полностью отсутствует. В большинстве случаев, их невозможно расчленить ни по стратиграфии, ни по типологии.

Индивидуальные находки на поселении Макаровская Речка представлены орудиями из кости (проколки, штампы (один из них сделан из ребра КРС (рис.7.8), другой – из расколотой пополам кости животного (рис.7.9), ложила,

кости со следами обработки), камня (утюжок, болас, абразивные камни, фрагменты орудий), кварцита (ножевидные пластины, пест, терочник), керамики (скребки, фрагмент орнаментированного пряслица, лощеная ручка сосуда), бронзы (шило) (рис.7. 1-25). Практически все они находят аналогии в материалах памятников доно-волжской срубной культуры (См., например: Пряхин А.Д. 1996. Кн.2. с.167. рис.1).

Особенно интересны обломки от двух керамических литейных форм. Один из них, к сожалению, слишком мелкий, чтобы сказать о нем что-либо определенное (рис.7. 16). Другой, более крупный, представляющий собой плоскую керамическую плитку, обнаружен вместе с лежащим на нем кусочком красного минерала рыхлой фактуры. Размеры сохранившейся части 8,8x7,0x2,0 см (рис.7. 15). Сохранность не позволяет определить количество отливавшихся в ней предметов. Можно лишь констатировать, что их было не менее 2-х, причем каждый имел свой литник. Вероятно, форма была одностворчатой и предназначалась для отливки небольших слабоизогнутых серпов с не выделенной пяткой. Негативы изделий выполнены по сырой глине, затем форма была обожжена. Следует отметить также тщательность ее изготовления. Ближайшие аналогии имеются на Мосоловском поселении. Судя по ровной, заточенной тыльной поверхности и размерам изделий, она ближе всего ко второй группе литейных форм для отливки серпов и косарей, выделенных А.Д. Пряхиным и А.С. Саврасовым (Пряхин А.Д., Саврасов А.С. 1989. С.60; Пряхин А.Д. 1996. С.30-31).

В раскопе также найдена керамическая плоская, подпрямоугольная в плане, плитка, которая вполне могла служить крышкой для литейной формы (рис.7. 14).

Следует отметить и находку бронзового сплеска, явно относящегося к поселению эпохи поздней бронзы.

В раскопе, на глубине 20 см от современной дневной поверхности, обнаружены фрагменты плохо сохранившихся наконечника стрелы и ножа из железа, вероятно эпохи средневековья.

Сложнее обстоит дело с разнообразными шлаками, весьма многочисленными как на поверхности, так и в раскопе. Они могут быть связаны как с вышеупомянутыми ямами для обжига кирпича 19 в., так и с предшествующими эпохами.

В центре раскопа выявлены остатки подпрямоугольной постройки, ориентированной длинной осью по линии ЮВВ-СЗЗ (рис.4). Общая площадь ее углубленной в материк части (котлована) – 34 кв. м, максимальная глубина от современной дневной поверхности – до 1 м. Заполнение котлована аналогично культурному слою над постройкой и на внеземляночном пространстве. Постройка располагалась на склоне террасы. В связи с этим, уровень пола в ее западной части ниже, чем в восточной. Высота стенок котлована в материке, в зависимости от сохранности, колеблется от 5 до 45 см.

Современным оврагом разрушена часть северной стенки постройки. Ее СЗ край поврежден поздней ямой №3. Яма была сплошь заполнена обломками шлаков и кирпичей, среди которых обнаружены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы и кости животных.

По всему периметру котлована, вдоль его стенок, прослежены столбовые ямы разных конструкций, судя по количеству которых (27), сооружение имело каркасно-столбовую конструкцию.

Крыша, скорее всего, была односкатной, в пользу чего говорит двойной ряд глубоких столбовых ямок от столбов достаточно больших размеров у южного края постройки. С северной стороны, которая располагается на склоне и, в целом ниже по уровню, чем южная, ямок от столбов обнаружено значительно меньше и они идут только по верхнему краю котлована.

Вход в постройку обнаружить не удалось. Возможно, это связано с позднейшими разрушениями. К восточной части котлована с севера и с юга примыкают своеобразные «крылья» - ступеньки. Максимальная высота этих составила 20 см. Постепенно закругляясь, они сходят на нет. Вероятно, полуземляночная постройка имела наземные конструкции типа навесов (не исключено, что вход находился со стороны одного из них).

В пользу данного предположения свидетельствует наличие т.н. «хозяйственных» ям не только в котловане (4), но и за его пределами, в северном «крыле»(4). Здесь же, в яме № 8 зафиксирован очаг. Яма имела круглую в плане и грушевидную в профиле форму, с плоским дном. Диаметр верхнего края 0,67 м, нижнего (по дну) – 0,87х0,85 м, глубина в материке 50 см. На глубине 35 см от верхнего края ямы прослежен прокол толщиной 3-4 см. В заполнении (культурный слой, насыщенный угольками и золой) обнаружены 14 фрагментов керамики эпохи поздней бронзы, некоторые из которых имеют следы черного нагара и 1 днище от гончарного сосуда, а также 4 довольно крупные кости животных.

Следует отметить, что заполнение всех ям, как столбовых, так и хозяйственных аналогично заполнению котлована постройки. В некоторых ямах обнаружены находки (я.1 – 9 фрагментов керамики, обломок керамического орудия прямоугольной формы с заточенными краями, 1 альчик барана и обломок сустава кости животного; я.2 – 9 фрагментов керамики и небольшой кусок гранита; я.5 – несколько костей животных и 3 фрагмента керамики; я.6 – несколько крупных костей животных, в т.ч. фрагменты черепа, а также обломок неорнаментированной стенки сосуда; я.10 (столбовая) – заготовка для пряслица из кости животного; я.36 – костяная проколка, обломок кварцита и фрагмент венчика от срубного сосуда).

Особенностями постройки являются достаточно оригинальная форма ее углубленной в материк части (длина 12 м при ширине – около 3 м) и расположение очага под наземной пристройкой.

Помимо насыщенности материалом, она выделяется также наличием свидетельств металлообрабатывающего производства, к числу которых

относятся сплеск бронзы, массивный пест, а также обломки керамических литейных форм. Вероятнее всего, постройка производственное назначение.

В пользу того, что жители поселка занимались металлообработкой, служат также находки керамических орудий с заточенными краями – абразивы и скребки. Подобные орудия, по мнению исследователей, могли служить как в процессе обработки кожи (мездрение), так и для подработки глиняных литейных форм, а также готовых металлических орудий (Пряхин А.Д., Килейников В.В. 1989. С.21-23; Матвеев Ю.П., Левых Г.А. 1989. с.131; Килейников В.В. 1990. С.67-69).

Интересно отметить, что на многих поселениях срубной культуры, где присутствуют следы обработки металла, также как на Макаровской Речке, отмечены выразительные свидетельства кожевенного производства.

Несмотря на небольшие размеры, площадь этого сооружения изобилует ритуальными комплексами.

На дне котлована, в его восточной, более высокой части обнаружен череп барана, ориентированный лицевой плоскостью на восток, что явно отражает какую-то солярную символику. По мнению одних исследователей, баран, во многих языческих верованиях связан с солнцем или солнечным божеством (А. Голан, 1993. С.69). С другой стороны, в магико-религиозных представлениях переднеазиатских культур это животное относилось к лунному божеству и считалось покровителем металлургов и кузнецов (Ковалева И.Ф. 1989. С.50).

В западной, нижней части котлована исследована круглая, слабо углубленная в материк (5-7 см) яма №4, диаметром 0,85 м, с плоским дном и покатыми стенками. Дно ямы было заполнено слоем чешуи крупной рыбы (окуня?) мощностью до 1 см.

В мифологических представлениях традиционных обществ рыба считается существом хтоническим, относящимся к подземному миру и принадлежащим богу земли, преисподней, господину подземных вод. В некоторых культурах она даже олицетворяет собой одну из его ипостасей (Мифы народов мира, Т.2.1992. С.391-393). Известно также, что хтонический мир чаще всего связывается с западом, поэтому расположение ямы с чешуей в западной, более близкой к воде части постройки представляется не случайным.

Самым интересным является комплекс, расположенный в центре котлована постройки между двумя рассмотренными выше. Он представляет собой материковую яму подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированную длинными стенками по линии ССВ-ЮЗЗ, которая делит котлован практически пополам. Ее размеры по верхнему краю составили 187x116 см, по дну 196x122см, глубина в материке 60 см (рис.5). Стенки ямы расширялись ко дну.

В заполнении встречены многочисленные кости животных, в т.ч. астрагалы коровы и альчики барана, фрагменты лепной керамики, а также два керамических орудия со сточенными краями и одно каменное (рис.6).

На дне, ближе к восточному углу были положены альчик барана и тупик из челюсти крупного рогатого скота (рис.5)*. В западном углу – альчик коровы. У северной стенки обнаружены кусочки красного и желтого минералов рыхлой фактуры. Здесь же зафиксированы две небольшие кучки золы. Первая, в массе которой встречены мелкие частички коричневого минерала, а также пережженные косточки и угольки имела толщину от 1 до 5 см. Вторая, расположенная в 15 см к востоку от первой ничего не содержала. Ее слой не превышал 2 см. Зола в обеих кучках имеет жирную, мажущуюся фактуру и, скорее всего, является остатками трупосожжения на стороне. К сожалению, минимальные размеры и плохая сохранность костей не позволили определить их принадлежность. Между этими кучками в беспорядке помещались 3 альчика коровы, фрагмент глиняного лепного сосуда и обломок трубчатой кости животного. Небольшое скопление в виде трубчатой кости животного, фрагмента лепного сосуда и альчика барана, зафиксировано также рядом с первой кучкой золы у северо-западной стенки ямы. Еще один альчик барана находился у противоположной стенки. По одному астрагалу коровы обнаружено в западном углу и ближе к центру. В 10 см южнее последнего найден кусочек желтого минерала, в 30 см к востоку от которого зафиксированы остатки тлена светло-зеленого цвета, вероятно растительного происхождения.

Южная стенка ямы повреждена большой норой грызуна, в заполнении которой также фиксировались мелкие обломки костей и керамики, частички красного минерала и несколько древесных угольков.

Орудия, положенные в яму и набор костей животных, достаточно характерен для культовых комплексов срубной культуры (Усачук А.Н. 1996 С.70-71; Зданович Г.Б. 1988. С.27; Ковалева И.Ф. 1990. С.67,69; Цимиданов В.В., Чаур Н.А. 1997. С.59; Горбов В.Н., Мимоход Р.А. 1999. С.31).

Роль тупиков, по мнению ряда исследователей, была предопределена особым отношением к нижней челюсти животного. Она имела самостоятельное значение в обрядовой практике, как срубно-андроновского мира, так и в целом индоиранской традиции (Ромашко В.А. 1993. С.90-91; Горбов В.Н., Мимоход Р.А. 1999. С.44.).

Альчики и астрагалы барана и коровы (или быка), как известно из этнографических параллелей, играли не последнюю роль в деятельности колдунов или жрецов (Ковалева И.Ф. 1990. С.67,69; Цимиданов В.В., Чаур Н.А. 1997. С.59, 60).

* Тупик изготовлен из левой половины нижней челюсти КРС. Все орудие сильно заполировано. По определению А.Н. Усачука, которому автор приносит искреннюю признательность, тупиком довольно долго производили мездрение, работая практически всеми гранями. На его поверхности также зафиксированы следы подрезки металлическим ножом (лезвием).

Весьма характерно присутствие в комплексе красного и желтого минералов. По мнению исследователей, красный цвет является атрибутом подземного бога. Он, наряду с другими аспектами (кровь, жизнь, смерть, плодородие и т.д.), также символизирует собой огонь (Голан А. 1993. С.44).

Трупосожжение на стороне и наличие углей также свидетельствует о каких-то обрядах, связанных с огнем.

Очевидно, что в данном случае речь может идти о культовом обряде, квалифицируемом, как жертвоприношение. Согласно исследованиям культурологов, жертвоприношения различаются, в первую очередь, по мотивам, по способу передачи и адресату (Тайлор Э.Б. 1989. С.465-484).

В данном случае способ передачи жертвы – комбинированный – передача через огонь (остатки трупосожжения и угольки) и закапывание в землю. По назначению это видимо посвяtitельное, а заодно и умилоствительное жертвоприношение, совершенное в момент сооружения или оставления постройки.

Адресатом в данном случае, очевидно, выступает бог земли, который одновременно являлся и богом преисподней, огня и подземных вод. Огонь, бык, рыба, чешуя и красный цвет – все, так или иначе, имеет отношение к этому богу. У разных племен и народов в древности он носил разные имена и занимал разное место в священном пантеоне. Он мог также выполнять разные функции, однако вышеупомянутые атрибуты оставались практически неизменными. Известно также, что это божество одновременно являлось и покровителем ремесел, связанных с огнем и в, первую очередь, металлургов и кузнецов. Не противоречит этому, как было указано выше, и находка черепа барана.

Многочисленными исследованиями доказано, что в традиционном обществе кузнецы, как правило, занимают особое положение, выполняя зачастую функции жрецов или колдунов, а иногда и врачей (Мифы народов мира. Т.2. 1992. С.22; Элиаде М. 1998.С.183-202; Бочкарев В.С. 1994. С.67. и др.).

Материалы поселения Макаровская Речка явно свидетельствуют о пребывании на нем людей, связанных, с обработкой металла. Очевидно, они постарались сделать пространство постройки, связанной с одним из наиболее важных производственных циклов, максимально сакрализованным. В ней могли также совершались ритуалы, связанные с другими сторонами жизни поселка (Изотова М.А. 2000. С.118-124).

В заполнении постройки, на ее дне и в центральном культовом комплексе найдены орудия труда, наиболее распространенные на поселениях металлургов-литейщиков Волго-Донского междуречья (Березанская С.С., 1990; Пряхин А.Д., 1996) Интересно, что среди находок Усова Озера также зафиксированы останки рыбы, столь редкие для поселений срубной КИО (Березанская С.С. 1990. С.18).

Число известных памятников срубной культуры, содержащих следы обработки металла, постоянно растет. В середине 1990-х годов Д.А. Хоркиным на поселении у с. Усть-Курдюм исследован культовый комплекс, содержащий литейные формы (Хоркин Д.А. 1999. С. 29-30). Недавно, на юге Самарской области открыт первый в Поволжье центр по выработке руды (поселение Михайло-Овсянка) (Григорьев С.А. 2003. С.94). Поселения, связанные с металлургией и металлообработкой практически всегда содержат яркие свидетельства развитой системы мифологических представлений того времени. Следы древних культов обнаружены на Мосоловке, Усовом Озере, Преображенке, Липовом Овраге и других.

В связи с вышеизложенным, можно предположить, что для металлургов-литейщиков срубной культуры Волго-Донского региона бог-покровитель кузнецов, «владелец и распорядитель» земных недр, в том числе руды, имеющий непосредственное отношение к огню и связанный с хтоническим миром, занимал одно из главных мест в пантеоне.

В обществах с политеистическими религиями, те или иные сословия, касты, профессиональные кланы, при почтительном отношении ко всем богам и признании среди них главных, выделяли и особо поклонялись отдельным из них. В первую очередь это относится к металлургам и кузнецам, которые практически всегда имели особую ритуальную практику и вокруг которых вплоть до недавнего времени существовали особые ритуалы, связанные с многочисленными поверьями и мифами.

В районе с. Владыкино и его окрестностей к настоящему времени обнаружено большое количество одиночных курганов и курганных групп, а также 7 поселений, среди которых Макаровская Речка занимает, вероятно, особое положение. Однако оно не является исключением. В 15 км к ЮЗ от него, у с. Потьма, на той же террасе р. Хопер в 2001-2002 гг. автором исследовано поселение срубной культуры с явными следами развитой металлообработки. Очевидно, данный вид деятельности был довольно распространенным для жителей Прихоперья в эпоху поздней бронзы.

В заключение необходимо остановиться на датировке Макаровской Речки.

Березанская С.С. выделяет три этапа существования поселка эпохи поздней на Усовом Озере и датирует их соответственно 15-14-13 вв. до н.э. (Березанская С.С. 1990. С.107). Пряхин А.Д. определяет время бытования Мосоловки третьей четвертью 2 тыс. до н.э., с возможным выходом в 12 в. (Пряхин А.Д.1993. Кн.1. С.91.)

Очевидно, к этому же времени следует отнести и время основного функционирования поселения эпохи поздней бронзы Макаровская Речка.

Судя по находкам поздневаликовской и нурской керамики, жизнь на памятнике существовала также в финальный период бронзового века (ФПБВ)

Наличие небольшого числа фрагментов от древнерусских и золотоордынских сосудов свидетельствуют о заселении участка в эпоху средневековья.

Литература

Березанская С.С. 1990. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев.

Беседин В.И. Относительная хронология построек Мосоловского поселения (по данным анализа керамики) // В кн.: Пряхин А.Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Кн.1. Воронеж. 1993. .

Бочкарев В.С. 1994. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб. 1994.

Голан А. 1993. Миф и символ. М.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. 1999. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.

Григорьев С.А. Древние металлургические шлаки степного Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов. 2003.

Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Изотова М.А. 1999. Этно-социальные аспекты проблемы соотношения покровских и срубных древностей юга лесостепной и севера степной зон Нижнего Поволжья // Этническая история и культура населения степной и лесостепной Евразии (от каменного века до раннего средневековья). Днепропетровск. Материалы международной археологической конференции. С. 101-103.

Изотова М.А. 2000. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы Макаровская Речка // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы международной научной конференции. Воронеж.

История первобытного общества. 1986. М.

Ковалева И.Ф. 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск.

Ковалева И.Ф. 1990. Срубные погребения с набором альчигов // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Килейников В.В. 1990. О некоторых керамических орудиях труда с памятников донской лесостепной срубной культуры // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. обл. научно-практической конф. Луганск.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. 1991. О соотношении покровских и раннесрубных памятников Нижне-Волжского Правобережья (по материалам курганных могильников) // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тез. Вторых Рыковских чтений. Саратов.

Малов Н.М. 1991. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тез. Вторых Рыковских чтений. Саратов.

Малов Н.М. 1994. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.

Матвеев Ю.П., Левых Г.А. 1989. Поселения донской лесостепной срубной культуры в среднем и нижнем течении р. Усмань // Поселения срубной общности. Воронеж.

Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б. 1985. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации). Куйбышев.

Мифы народов мира. Т. 2. 1992. М.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. 1989. Типология керамики Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронеж.

Пряхин А.Д., Килейников В.В. 1989. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. 1989. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков // Поселения срубной общности. Воронеж.

Пряхин А.Д., Старцева Т.С. Боровское поселение эпохи бронзы под г. Воронежем // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж. 1981. Ромашко В.А. Святилища и жертвенники поселений срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. 1993.

Тайлор Э.Б.. 1989. Первобытная культура. М.

Усачук А.Н. 1996. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы междунаrod. науч. конф. Волгоград.

Хоркин Д.А. 1999. Производственно-ритуальная постройка на срубном поселении Усть-Курдюм под Саратовом // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. Труды ГИМ. Вып.103. М.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. 1997. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск.

Элиаде М. 1998. Азиатская алхимия. М.

Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. 1996. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып.1. Саратов.

Summary

The settlement Makarovskaya River of the late bronze epoch.

Izotova M.A.

This article is devoted to the publication of the archeologic monument located on the left bank of the Khoper River in the Saratov area. The settlement is submitted by vessels of types characteristic of Srubnaya, Abashevskaya and Pokrovskaya cultures, and also by the fragments of roll ceramics of the Hvalynskaya culture. On the settlement the rests of rectangular construction of industrial purpose, ceramic foundry forms, instruments made of bone are revealed. By the example of these finds the author considers a problem of a parity of the antiquities of the Pokrovskaya and Srubnaya cultures, and also defines an occupation of the inhabitants of the settlement as metal working. Time of functioning of the settlement Makarovskaya River is defined by the third quarter of the II thousand B.C. Presence of the fragments of old Russian and Golden Horde's vessels testifies to settling this site in a Middle Ages also.

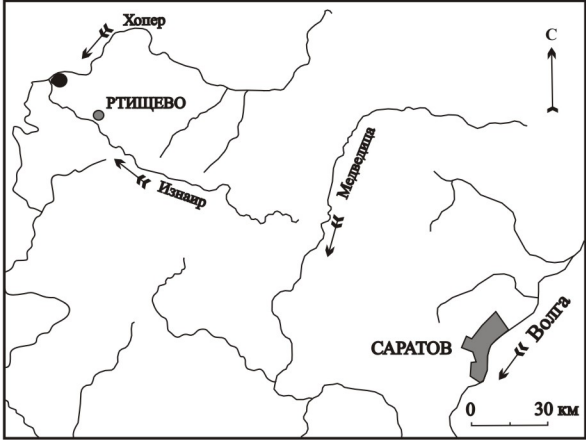

Рис. 1. Северо-западная часть Саратовской области.

● - поселение Макардовская Речка

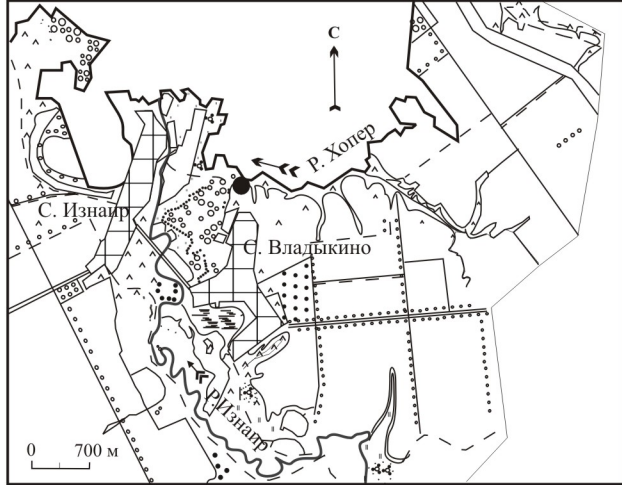

Рис. 2. Схема расположения поселения Макардовская Речка у с. Владыкино

● - поселение

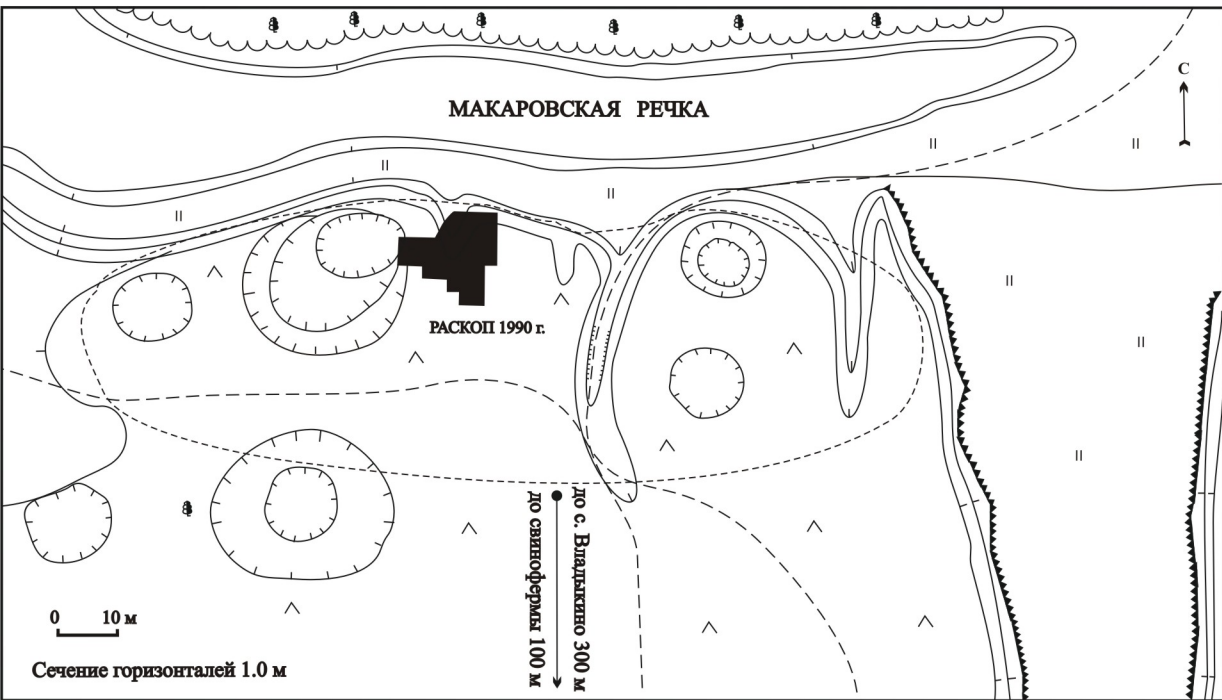
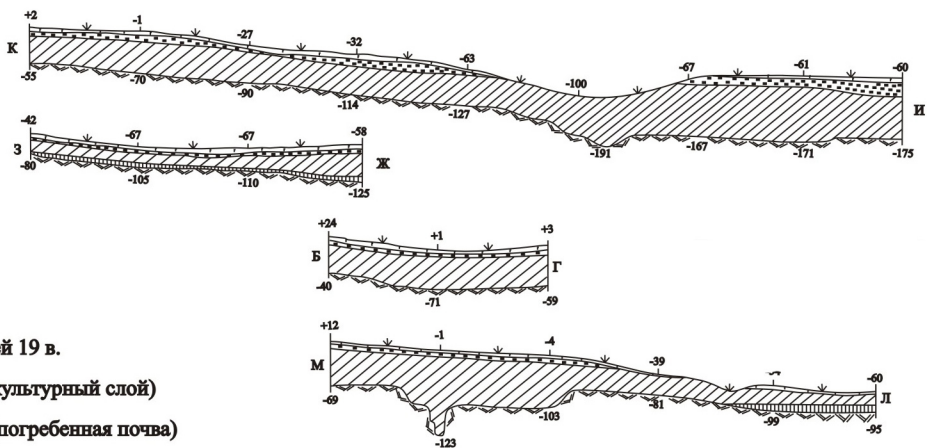

Рис. 3. План поселения Макардовская Речка.

- дерн

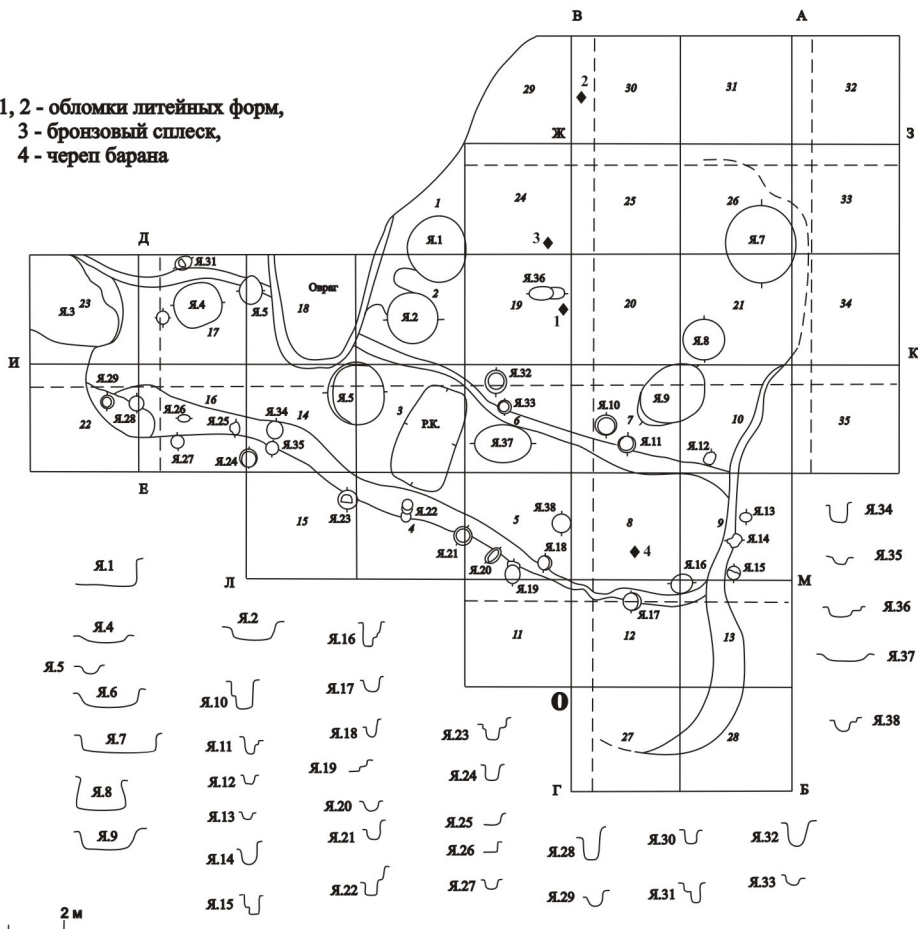
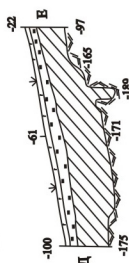
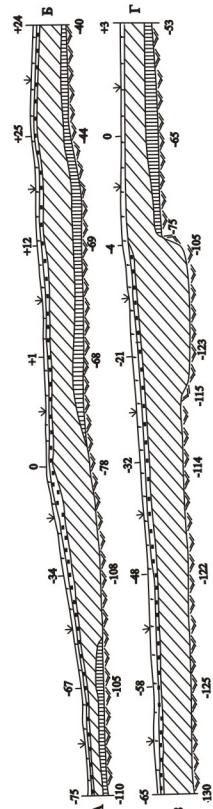
- битый кирпич из печей 19 в.

- темно-серая супесь (культурный слой)

- светло-серая супесь (погребенная почва)

- материк (желтая глина)

◆ - 1, 2 - обломки литейных форм,
3 - бронзовый сплеск,
4 - череп барана

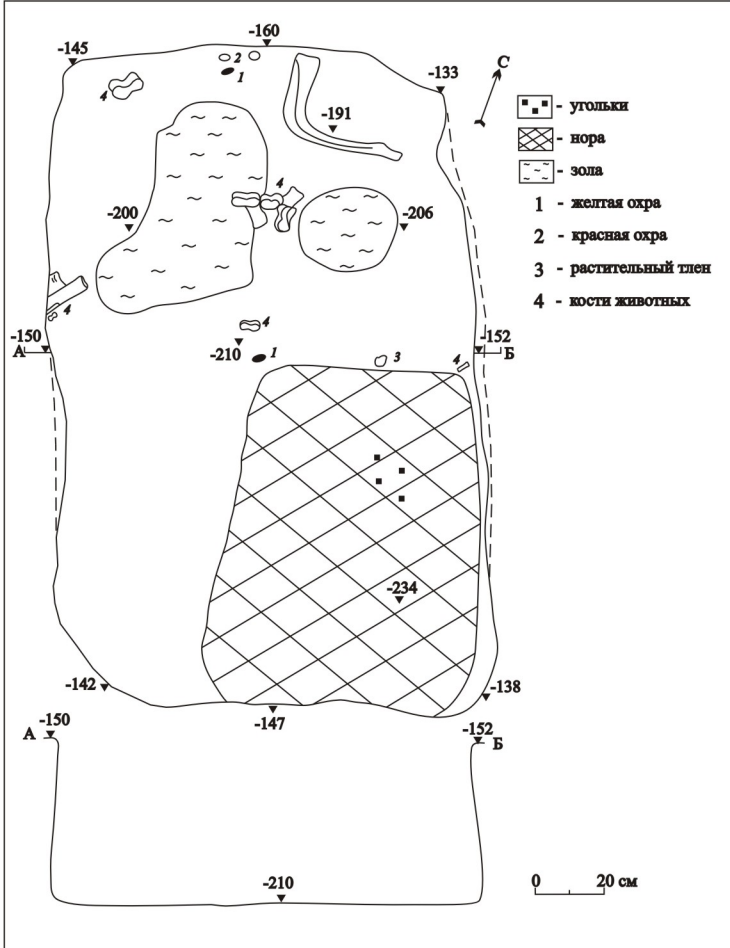

Рис.5. Поселение
 Макаровская Речка.
 Ритуальный комплекс 1
 из котлована постройки.

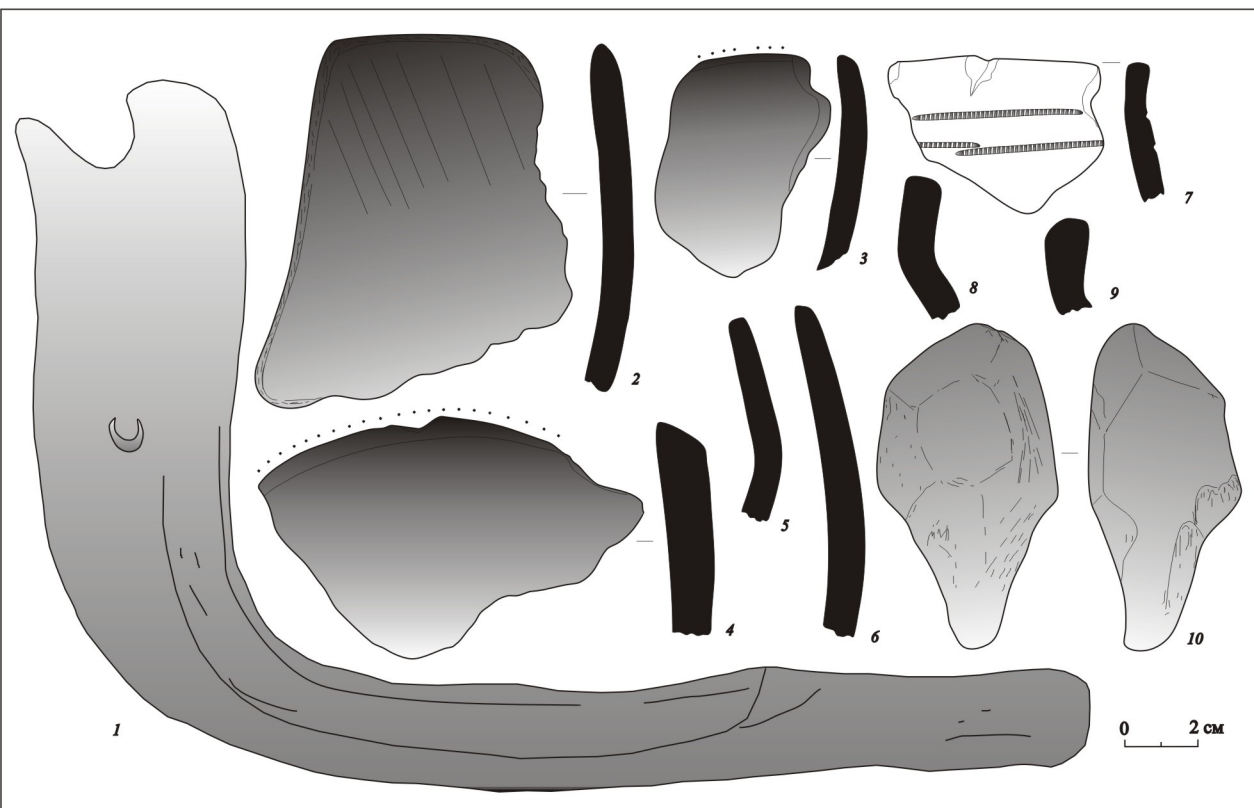

Рис.6. Поселение Макаровская Речка. Находки из ритуального комплекса 1
 в котловане постройки. 1 - кость, 10 - камень, 2-8 - керамика

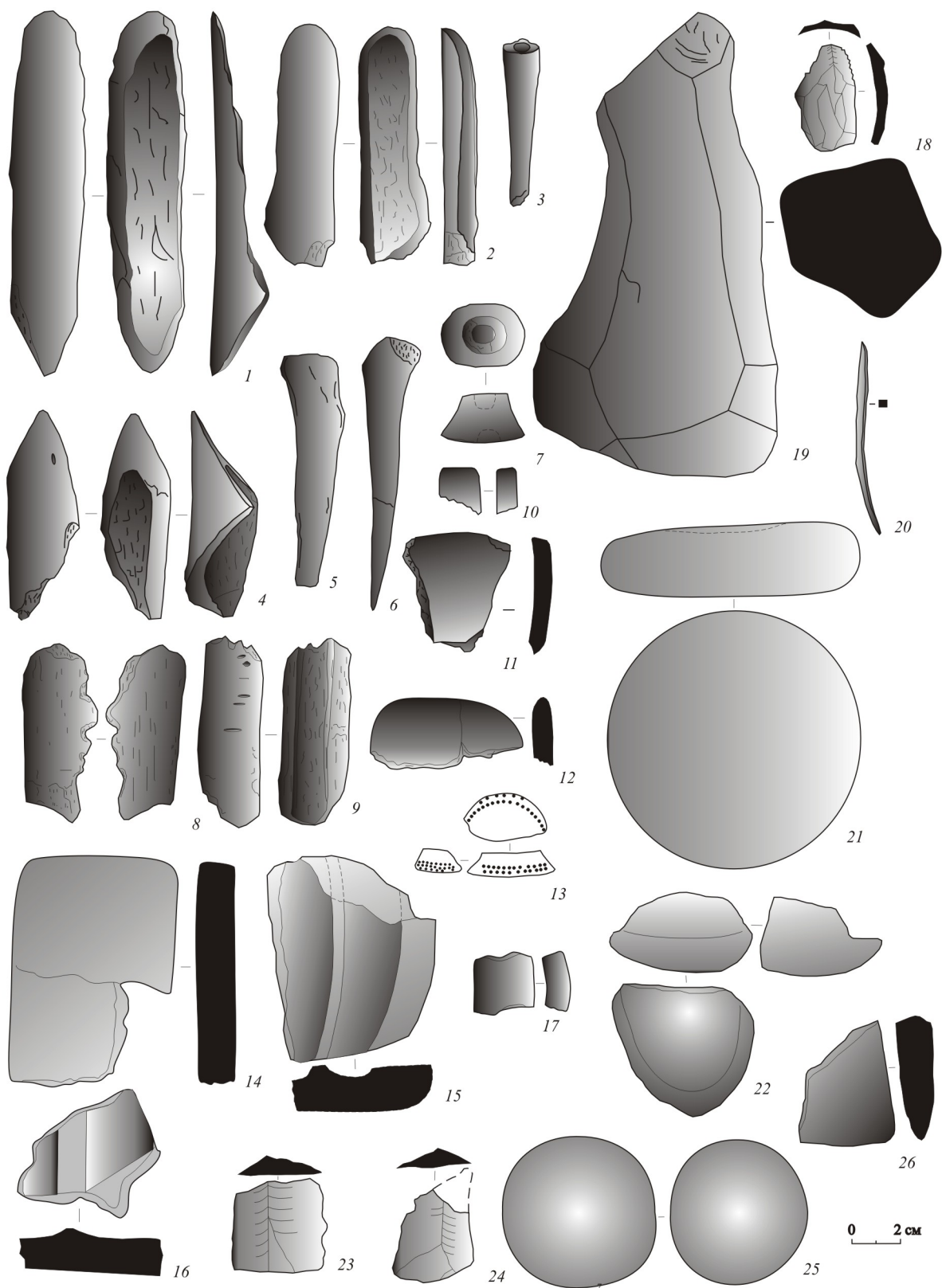

Рис. 7. Поселение Макаровская Речка. Орудия.
 1-9 - кость, 10-17 - керамика, 18-19, 21-26 - камень, 20 - бронза.

Рис. 8. Поселение Макаровская Речка. Керамика.

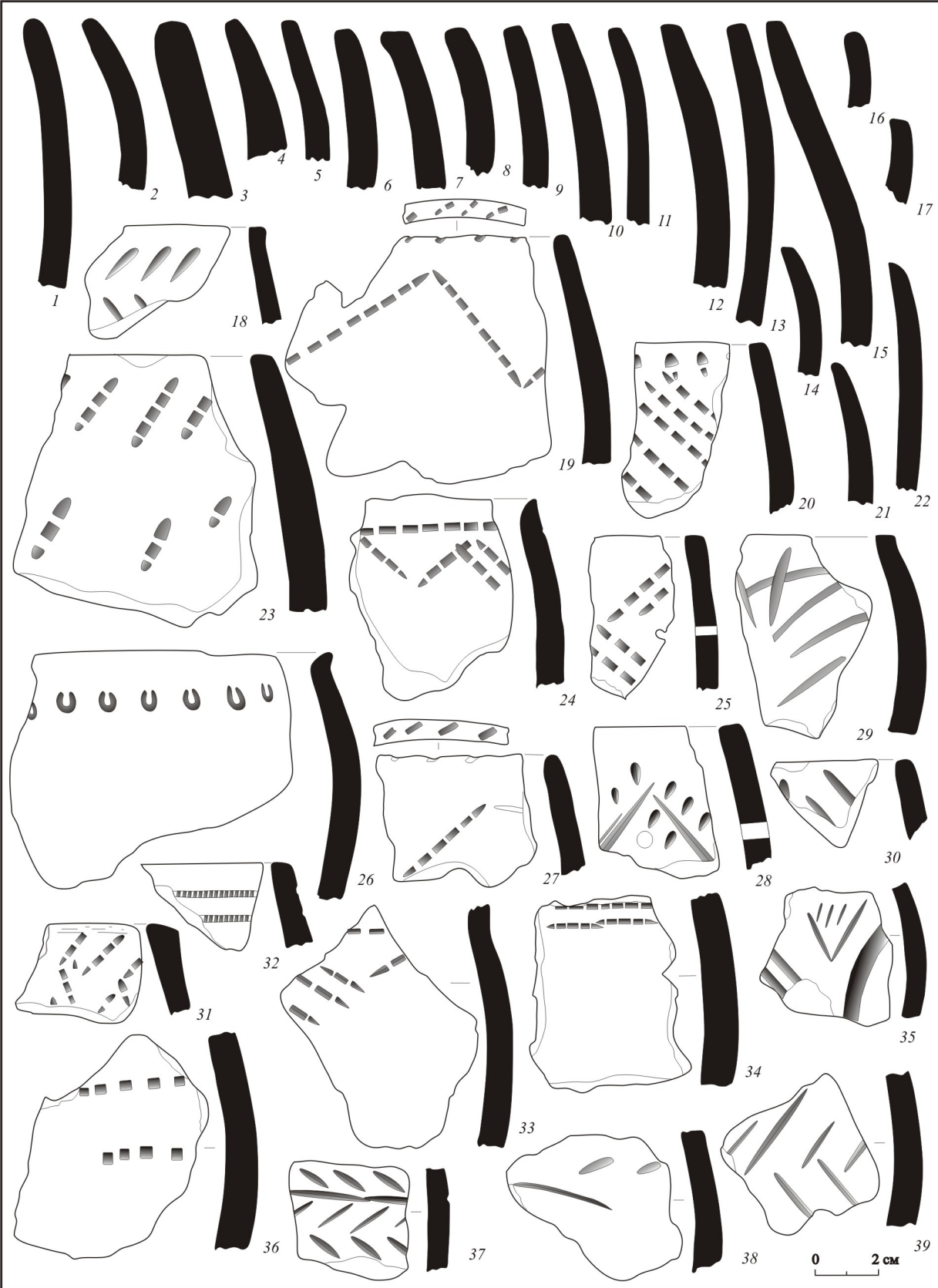

Рис. 9. Поселение Макаровская Речка. Керамика.

Рис. 10. Поселение Макаровская Речка. Керамика.

Рис. 11. Поселение Макаровская Речка. Керамика.

Рис. 12. Поселение Макаровская Речка. Раскоп 1990 г.
Керамика эпохи средневековья.